

Анапа снова на вершине курортного олимпа

САНАТОРНО-КУРОРТНОЕ ЛЕЧЕНИЕ И ОТДЫХ В АНАПЕ

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Ионов П. К. — генеральный директор — главный врач санатория «Русь», заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук
Зам. главного редактора
Баклыков Л. И. — врач по научно-методической работе «ДиЛУЧ»

Зам. главного редактора

Севрюкова В. С. — президент Анапской региональной курортной ассоциации, генеральный директор — главный врач «ДиЛУЧ», председатель комиссии по курорту и здравоохранению Совета депутатов г.-к. Анапа, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук

Ответственный секретарь

Шариков Ю. Н. — кандидат медицинских наук

Члены редколлегии:

Денисенко Н. Ф. — главный специалист по оргметодработе «ДиЛУЧ», кандидат медицинских наук

Холопов А. П. — зам. директора по медицинской части санатория-профилактория «Плямя», кандидат медицинских наук

Харалдина З. Е. — зам. директора по науке Анапского археологического музея-заповедника, кандидат исторических наук

Панькова С. А. — зав. кафедрой АФ СГУТиКД, кандидат биологических наук

Редакционный совет:

Астапкинко Г. В. — генеральный директор санатория «Надежда»

Ашкинадзе И. И. — директор Анапского филиала СГУТиКД, кандидат педагогических наук

Бражник А. Г. — исполнительный директор Анапской региональной курортной ассоциации

Димоев А. В. — президент Всероссийского центра оздоровления «Жемчужина»

Дыбля Е. А. — директор СКО «Здравницы курорта Анапа»

Кибалов В. Г. — директор турфирмы «Анапа + Тур»

Кругликов С. В. — генеральный директор санатория «БФО», заслуженный работник коммунального хозяйства РФ

Леднева Л. С. — генеральный директор детского лечебно-оздоровительного центра «Кавказ», кандидат педагогических наук

Мальцев А. П. — генеральный директор пансионата «Урал»

Нарушевич Р. Р. — директор санатория «Голубая волна», кандидат экономических наук

Рогозян Б. Н. — генеральный директор санатория «Анапа», заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук

Сенгерев Г. И. — директор санатория «Ак-вамарин»

Симонов В. К. — генеральный директор санатория «Мотылек»

Сурков С. Г. — генеральный директор санатория «Маяк», кандидат экономических наук

Щербяков Д. Б. — главный врач детского санатория «Бимлюк» МЗ РФ, кандидат медицинских наук

Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе

Ежегодный научно-практический журнал

№ 11 2009 г.

В НОМЕРЕ:

К читателям

Вопросы организации санаторно-курортной помощи

Эндозкологическая бальнеология и минеральные воды

Научно-практические работы врачей

Вопросы экологии

Духовное и историко-культурное наследие

Юбилей

Анапская региональная курортная ассоциация
Регистрационный номер журнала ПИ № 10-3348.
353410, г.-к. Анапа Краснодарского края, ул. Пушкина, 22.
Фото: **Ю. Н. Шариков, В. Я. Мирошниченко**

На первой странице обложки: вид на склоны горы Лысой
На последней странице обложки: цветочные часы

Технический редактор **С. А. Савенко**
Корректор **О. В. Залозная**

Сдано в набор 18.05.2009 г. Подписано в печать 10.07.2009 г. Формат бумаги 84x108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76+0,42 вкл. Учетно-изд. л. 15,96+0,74 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ 54.

ОАО «Издательство «Советская Кубань»
350000, г. Краснодар, ул. Рапшилевская, 106.

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ — БЛЕСТЯЩИЙ ХИРУРГ И СВЯТОЙ ПАСТЫРЬ

Л. И. Баклыков
СКК «ДиЛУЧ»

Задумав коротенький очерк о нашем современнике, о блестящем хирурге Валентине Феликсовиче Войно-Ясенецком, ставшем архиепископом святым Лукой, митрополитом ряда епархий в Советском Союзе, я надолго застрял в Интернете, вычитывая об этом Великогражданине нашей страны массу сведений. В конце концов, биографические сведения о нем решил ограничить использованием книги М. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» и В. Глуценкова «Панагия и белая мантия. Святитель Лука — взгляд в будущее», календарями православия. Собственно, предлагаемый очерк фактически является выписками из названных источников. Заодно я подумал о том, а был ли кто раньше в истории христианства и врачом, и святым проповедником христианской веры. И нашел еще две личности. Начну скупо о них.

Первым был святой апостол и евангелист Лука. Он родился в Антиохии Сирийской (в Малой Азии, или, как теперь говорят, на Ближнем Востоке) Римской империи. Он был врачом из просвещенной греческой семьи. Стал преданным учеником Иисуса Христа, впоследствии одним из 70 апостолов, горячо восприняв спасительное учение от самого Господа. Иисус Христос сам назвал 12 апостолов, изначально сопровождавших его в хождениях по землям Палестины. Лука был в числе тех, кого Христос, еще при жизни на земле, послал на первые проповеди о Царствии Небесном.

Во время распятия Христа будущий апостол Лука присутствовал среди немногих верных и позже запишет в Евангелии, что «стоял вдали и смотрел на это». Позже он сподобился лицезреть воскресшего Спасителя. Вскоре все семьдесят учеников его были названы апостолами.

Апостол Лука принял участие в миссионерском путешествии апостола Павла, и с тех пор они были неразлучны. После мученической кончины первоверховных апостолов Петра и Павла святой Лука покинул Рим и с проповедью прошел Ахайю, Ливию, Египет и Фиваиду. В городе Фивы, в Египте, в возрасте 85 лет, он мученически окончил земной путь, приняв смерть через распятие на оливковом дереве.

Мощи святого Луки источали множество исцелений и по окончании гонений на христиан были положены в Константинопольском храме святых апостолов под

престолом вместе с мощами апостолов Андрея Первозванного, проходившего и по нашей Таманской земле, ставшего покровителем России, и Тимофея.

По преданию Святой Церкви, апостол Лука написал первые иконы Божией Матери с Предвечным Младенцем на руках, при виде которых Пресвятая Богородица, благословляя образы, пророчески произнесла: «Моя милость с сими иконами да будет».

Святой Лука написал также иконы святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Евангелие написано им в 62—63 гг. в Риме, под редакцией апостола Павла. Тогда же Святой апостол Лука написал книгу Деяний святых апостолов.

Пантелеймон Целитель, нареченное имя Пантолеон, родился в семье знатного грека в г. Никомидии (на северо-западе Малой Азии). Мать его была тайной христианкой, но рано умерла. Отец отдал отрока на обучение к прославленному врачу Евфросину. Вскоре слава о его способностях дошла до самой столицы империи — Рима. Но не слава увлекала юношу. Сердце его жаждало познать истину бытия.

Наставником юноши стал священник Ермолай, крестивший его. Когда же отец увидел, как его сын, помолвившись, исцелил слепого, он вместе с исцеленным принял святое крещение. Святой Пантелеймон лечил всех, но прежде всего — немощных и заточенных в тюрьмах. При этом он всегда благовествовал о Спасителе и целителе души и тела. Это вызывало ненависть врачей-язычников, и они донесли на него императору Максимиану.

Святого Пантелеймона предали мучениям. Но пытки не могли лишить его жизни. Тогда святой великомученик был обезглавлен, а тело брошено в костер, но не сгорело в нем, а было тайно погребено христианами в 305 г. Глава святого Пантелеймона, как великая святыня, хранится в Русском Пантелеймоновом монастыре на святой горе Афон в Греции. Католики чтут память Пантелеймона как помощника и покровителя всех врачей, в т.ч. и пославших донос на него. Православные призывают его в молитвах за всякого немощного, больного и при освящении воды. Икону молодого Святого Целителя Пантелеймона легко узнать по ложечке с лекарством, которую он держит в правой руке.

Войно-Ясенецкий, блестящий хирург, архиепископ святой Луки, писатель. Он поражает меня своей неустрашимостью, твердостью натуры, огромной эрудицией, преодолением таких каторжных мучений, которые и вообразить невозможно; и при этом — глубоко верующий православный христианин, достигший чина архиепископа и митрополита, оставаясь великим врачом и душой, и телесных больных, и израненного люда, ставший, как блестящий хирург, лауреатом Сталинской премии I (высшей) степени.

Он родился в 1877 г. в Керчи в семье провизора, поляка, из древнего знатного польского рода русского происхождения. Был он уже третьим ребенком по счету. Феликс Станиславович был ревностным католиком. Вскоре семья переехала в Киев, получив роскошную квартиру на Крещатике, напротив здания нынешней Украинской Рады. Его отец, отличаясь исключительной порядочностью, был приглашен возглавить страховую компанию, которая была довольно нечистоплотной. Мать, уроженка Харьковской губернии, родила еще двоих детей. И она, и дети все были православными. Кроме того, мать постоянно готовила благотворительные обеды на 15—20 человек для бедных, включая и студентов.

Надо признать, что в лучшем лицее Киева Валентин учился неважно. Увлекаясь живописью, мечтал поступить в Петербургскую академию художеств. Но передумал, посчитав, что он обязан заняться тем, что полезно для страдающих людей. От предложенного ему естественного факультета университета, чтобы позже перейти на медицинский, отказался. Проявляя интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии, истории, предпочел поступить на юридический факультет и в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право.

Но в конечном итоге искания Валентина Войно-Ясенецкого закончились медицинским факультетом в 1898—1903 гг. Учился он блестяще, получил диплом с отличием. Ему прочили занятия научной работой, но он о таковой «никогда не помышлял, а хотел лишь лечить крестьян, хотя бы в самой убогой обстановке». Позднее, уже будучи архиепископом Лукой, он еще раз подчеркнул: «Я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским, мужичким врачом, помогать бедным людям».

Приват-доцент Михайлов прочитал будущим врачам своеобразный курс «деревенской» хирургии, об убожестве уездной больницы; картину асептики и антисептики, применительно к обстоятельствам; объяснил слушателям, как пользоваться упрощенными дешевыми стерилизаторами, как готовить и применять дешевый перевязочный материал (лигнин, пеньку, кудель, мох). После блеска университетских операционных молодые медики узнали об операционных, где кетгут и шелк приходится заменять льняными нитями, и конским волосом, и сухожилиями животных. Курс Михайлова предназначался для тех, кто собирался стать земским врачом.

В Российской империи 90 процентов подданных были сельские жители, вообще не имели врачей. Создать сельскую медицину при крайней рассеянности населения, при его низкой культуре и ничтожности земских средств казалось делом совершенно невыполнимым. Энергия земцев произвела поразительный переворот в деревенской медицине. Быстро выросло число сельских больниц и амбулаторий, а земский врач при от-

сутствии врачей-специалистов с самого начала стал практиком-энциклопедистом. Он должен был лечить больных по всем специальностям.

Поехать в деревню сразу после окончания университета не удалось, помешала Русско-японская война. Он вошел в состав первой группы медиков-добровольцев, которая в марте 1904 г. остановилась в Чите. Здесь молодой доктор стал работать в госпитале хирургом. Он возмужал, отпустил усы и бородку, стал сосредоточенным и серьезным. Здесь незадолго до окончания войны, в церкви, построенной декабристами, обвенчался он с Анной Ланской, сестрой милосердия.

Вернувшись, они с женой поселились в 1905 г. в небольшом уездном городке Ардатове Симбирской губернии. Здесь ему поручили больницу на тридцать пять коек. Больница оказалась бедной, плохо оборудованной, однако, верный своему врачебному долгу, Войно-Ясенецкий, ни на что не обращая внимания, сразу начал широко оперировать как хирург и глазник. Работал он с утра до вечера, но больных было так много, что уже через несколько месяцев он выбился из сил. Решил перейти в маленькую больницу в деревне Верхний Любаш Курской губернии, но и там оказалось нелегко: собственно, трудности создавал себе он сам. Чем больше и удачнее он оперировал, тем более росла его слава и тем больше пациентов спешило в больницу. В Верхний Любаш стали съезжаться жаждущие помощи из других уездов Курской губернии и из соседней Орловской. Главным бедствием здешних мест была слепота. Русская деревня с ее грязью и нищетой издавна была очагом трахомы. Тысячи незрячих — жертвы болезни-ослепительницы — бродили по дорогам, выпрашивая подавание.

Слава о глазных операциях, которые делал новый доктор, росла так стремительно, что хирург не успевал осматривать желающих оперироваться. Особенно после того, как прозевший в результате хирургического вмешательства молодой нищий собрал слепых со всей округи и они длинной вереницей, ведя друг друга за палки, явились к врачу просить исцеления. В маленькой больнице, как и в большой, рабочий день хирурга начинался в девять утра и заканчивался глубокой ночью. Кроме операций, надлежало навещать больных в ближних и дальних деревнях, исполнять обязанности судебного и санитарного медика. Сами супруги жили в холодной квартире и сильно мерзли. Да и жалованье полагалось земскому врачу куда как незавидное.

У Войно-Ясенецких в 1907 г. родился сын Михаил, а осенью 1908 г. — дочь Елена. Семья переехала на Украину, в Золотоношу. Там нашлось место амбулаторного врача. Незаметно для себя сельский доктор начал записывать сначала чем-то поразившие его медицинские случаи и публиковать их в журнале «Хирургия» и «Врачебной газете». В Москве он обнищал, так что пришлось срочно искать прибежища в очередной земской больнице. Но без настоящей научной работы Валентин Феликсович принял решение попытаться счастья в Мос-

кве, чтобы добиться докторской степени. Он оставил Анну с малышами у родных, а сам поступил в экстернатуру. На свое скромное существование стал зарабатывать ночными дежурствами по клинике.

В начале 1908 г. он покинул Москву и стал работать в больнице на десять коек в селе Романовке Саратовской губернии. К 1913 г. у Войно-Ясенецкого было уже четверо детей: три мальчика и девочка. Они жили уже в Переславле-Залесском в просторной квартире. Доктора в городе уважали, а Анна была хорошей хозяйкой, всегда цветущего здоровья.

Переславская больница мало чем отличалась от Романовской. Правда, здесь было тридцать кроватей вместо шестнадцати, но остальные условия те же: ни электричества, ни рентгеновского аппарата; воду доставлял водовоз с бочкой.

У него возник живой интерес к регионарной анестезии, и, не откладывая дела в долгий ящик, Валентин Феликсович принялся оперировать по-новому. Очевидно, пользовался он в основном только зарождавшейся на Западе так называемой регионарной анестезией. Знаменитый профессор П. И. Дьяконов, основатель и первый председатель Съездов хирургов российских, пожилой уже человек, крупный ученый, прошедший школу земской медицины, поддержал тему для диссертации молодого хирурга. Весной 1916 г. в Москве Войно-Ясенецкий защитил диссертацию на степень доктора медицины.

Вскоре его жена заболела туберкулезом легких. Медики тогда полагали, что туберкулез лучше лечится в сухом, жарком климате. Так Валентин Феликсович с семьей оказался в Ташкенте, получив должность главного врача и хирурга городской больницы.

Здесь, в Туркестане, с осени 1917 до конца 1923 г. советская власть устанавливалась в ожесточенной борьбе. Фронты появлялись и исчезали, менялись противники, но кровопролитие не прекращалось. В Ташкенте людей убивали голод, холод, болезни и сверхчеловеческие переживания эпохи, когда до самой низкой точки упала ценность человеческой личности. В ноябре 1919 г. жена Валентина Феликсовича, Анна, умерла. Для воспитания детей он пригласил операционную сестру — Софью Сергеевну Велецкую. Она с радостью согласилась «исполнить Божье повеление...».

Пережив юношеское религиозное увлечение, он стал с годами верующим. По субботам, воскресеньям и в большие праздники посещал церковные службы. В Ташкенте, в операционной городской больницы, уже много лет висела икона Божьей Матери, оборотясь на которую, хирург имел обыкновение осенять себя перед операцией крестным знамением. Вскоре одна из ревизионных комиссий приказала икону убрать. В ответ на это Валентин Феликсович ушел из больницы и заявил, что вернется только после того, как икону водворят на место.

В научном мире религиозная вера была обычным явлением: Коперник, Леонардо да Винчи, Ньютон (ко-

торый даже писал комментарии к Библии) и астроном Кеплер, математик Паскаль, творец ботанической классификации Линней, Гарвей, открывший закон кровообращения. К этой когорте можно отнести Пирогова, Пастера, Менделя, Лобачевского, Альберта Эйнштейна, врача Альберта Швейцера, антрополога Тейяра де Шардена. Среди русских знаменитых современников верующими были академик И. П. Павлов, офтальмолог В. П. Филатов, геохимик В. И. Вернадский, академик-востоковед Н. И. Конрад, хирург С. С. Юдин, патологоанатом А. И. Абрикосов.

Осенью 1920 г. в Ташкенте открылся Государственный Туркестанский университет. Профессоров и ассистентов подобрали в Москве и привезли в Среднюю Азию, как уже говорилось, по личному распоряжению Ленина. Среди местных врачей чести быть избранными удостоились только четыре человека. И среди них — Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Он занял на медицинском факультете кафедру оперативной хирургии и топографической анатомии.

Как активно верующий православный, Войно-Ясенецкий попал в конце 1920 г. на один из церковных съездов, где снова произнес речь о положении в Ташкентской епархии. К нему подошел Владыко Иннокентий: «Доктор, вам надо быть священником!..» Слова Преосвященного Иннокентия принял как Божий призыв архиерейскими устами и, минуты не размышляя, ответил: «Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!». Ученый считал, что в творчестве исследователя двадцатого века наука и религия не конкурируют друг с другом. Вера — личное дело ученого.

В феврале 1921 г. он был рукоположен во иерея (священника), ему было уже 44 года. Войно-Ясенецкий появился в больничном коридоре в рясе священника с большим крестом на груди. Персонал больницы вежливо промолчал о новом облачении хирурга. Сам он только ассистенту, который обратился к нему по имени-отчеству, ответил глуховатым, спокойным голосом, что Валентина Феликсовича больше нет, а есть священник отец Валентин. В 46 лет, когда он был уже монахом, его нарекли именем Луки и он был рукоположен в сан епископа. Имя Святого Апостола и Евангелиста Луки имело для Владыки особый смысл, ибо Святой Апостол и Евангелист Лука был, по свидетельству Священного Писания, «врачом возлюбленным» и, по Преданию Церкви, — первым христианским художником: им были написаны первые иконы Богородицы.

В 1923 г. его арестовали за контрреволюционную деятельность, и хирург вспоминал: «Я не переставал писать свои "Очерки гнойной хирургии", которые хотел издать двумя частями и предполагал издать вскоре. Оставалось написать последний очерк первого выпуска — "О гнойных заболеваниях среднего уха и осложнениях его". Я обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любез-

зен, что предоставил мне право писать в его кабинете по окончании его работы. На заглавном листе первого выпуска я написал: "Епископ Лука. "Очерки гнойной хирургии". Так удивительно сбылось таинственное и непонятное мне Божье предсказание об этой книге, которое я получил еще в Переяславле-Залесском несколько лет назад: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа"».

Из тюрьмы его, как политического преступника, отправили в Москву, в органы госбезопасности, а оттуда — в ссылку, в Енисейск. После того, как он успешно выполнил пару сложных операций, к нему повалил больной люд. Вскоре местный чекист вызвал его к себе: «Кто это вам позволил заниматься практикой?» Войно-Ясенецкий сказал: «Я не занимаюсь практикой в том смысле, какой вы вкладываете в это слово. Я не беру денег у больных. А отказать больным, уж извините, не имею права. Давал в университете Гиппократову клятву — помогать каждому, кто ко мне обратится...»

На Енисее в то время свирепствовала трахома. Была даже легенда сложена: «Большой шаман с белой бородой пришел на нашу реку, поп-шаман. Скажет поп-шаман слово — слепой сразу зрячим становится. Потом уехал поп-шаман, опять глаза у всех болят». Конечно, речь шла о Войно-Ясенецком, оперировавшем больных с последствиями трахомы. На фотографиях — облаченный в рясу старик с седой бородой. На груди — крест и знак архиерейского достоинства — панагия. Одновременно епископ Лука совершал богослужения.

Его за строптивость и несговорчивость отправили в Туруханск, куда в 1913 г. был сослан Иосиф Джугашвили. Сталин писал оттуда в думскую фракцию Государственной Думы письма с жалобами на жуткий климат, болезнь, дорогие продукты, дрова и просил денег. Войно-Ясенецкий писал о его встрече в Туруханске с жителями: «Когда я выходил из баржи, толпа народа вся опустилась на колени, прося благословения. Меня сразу же поместили на квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу...» Продолжал ссыльный и активное пастырское служение.

Но и здесь власть не потерпела деяния и проповеди ссыльного епископа. Его сослали за полярный круг. Повезли на открытых санях за полторы тысячи верст на север лютой зимой без теплой одежды. Но случилось так, что спас его от верной гибели ссыльный эсер Розенфельд, атеист, с которым Войно-Ясенецкий постоянно вел дебаты. Он в считанные минуты собрал у своих друзей-ссыльных теплые вещи и успел передать их Луке.

«Чем дальше на север, тем тяжелее становилась дорога... В пути по замерзшему Енисею в сильнейший мороз я почти реально ощущал, что со мною Сам Господь Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня», — писал позднее Лука. Даже в меховой одежде его пришлось на руках вносить в избу. Это был

самый северный станок (поселок) Плахино — состоящий всего из трех изб. Встретили его жители с почтением: «Все низко поклонились мне, и председатель станка сказал: "Ваше Преосвященство! Не извольте ни о чем беспокоиться, мы для вас все устроим"». Ссылный иерарх и здесь сразу же приступает исполнять свой долг доктора и священника.

Через два месяца туруханские власти немедленно отправили за ним гонца. Восстали жители Туруханска из-за смерти крестьянина, которому не смогли оказать неотложную помощь.

В 1926 г. он вернулся в Ташкент. Лишенный университетской и церковной кафедр (кафедральный собор был уже разрушен) и работы в хирургическом отделении, он, будучи в сане епископа Ташкентского и Туркестанского, стал рядовым священником в одной из церквей, принимал по 15—20 пациентов в день на дому и продолжал работать над монографией по гнойной хирургии, стараясь не привлекать к себе внимания властей.

С ноября 1927 г. стал проживать в Красноярском крае, затем в городе Красноярске, где служил в местном храме и работал врачом в городской больнице. В мае 1930 г. Владыку арестовывают по делу о смерти профессора медицинского факультета по кафедре физиологии И. П. Михайловского, застрелившегося в невменяемом состоянии. Через год тюремного заключения, без суда Войно-Ясенецкого ссылают на три года в Архангельск.

Три года он живет в Архангельске, ведет амбулаторный прием больных. От предложения занять свободную епископскую кафедру он отказывается. Пробыв недолго в Крыму, владыка возвратился в Архангельск, где принимал больных, но не оперировал. Затем он посещает Ташкент, переезжает в Андижан, оперирует, читает лекции, руководит отделением ташкентского Института неотложной помощи, совершает церковные службы. Выходит его книга «Очерки гнойной хирургии».

В декабре 1937 г. — новый арест якобы за контрреволюционную деятельность и связь с оренбургскими казаками. В тюрьме его допрашивают конвейером (13 суток без сна), с требованием подписать протоколы. Он объявляет голодовку, постоянно падает в обморок, его отливают водой. Но протоколов он не подписывает. Следует новая высылка, в Сибирь. С 1937 по 1941 г. Владыка жил в селе Большая Мурта Красноярской области. Началась Великая Отечественная война. В сентябре 1941 года Владыка был доставлен в Красноярск для работы в местном эвакуационном пункте — здравоохранительном учреждении из десятков госпиталей, предназначенных для лечения раненых.

(Продолжение следует)

СТЕКЛО В АНТИЧНОЙ ГОРГИППИИ

Т. В. Нелина

Стекланные изделия люди изготавливали с древнейших времен. Почти шесть тысяч лет назад стекло делали в Египте и Месопотамии.

Собрание античного стекла Анапского музея включает в себя стекланные изделия V в. до н. э. — IV в. н. э. Это различные сосуды, почти 100 целых форм, происходящие из раскопок городища и некрополя античной Горгииппии, множество осколков стекланных сосудов из слоев пожара городских домов, погибших в середине III в. н. э. Представлены стекланные бусы и подвески, миниатюрные геммы из стекла — литики.

Наиболее ранними изделиями из стекла в собрании музея являются два полихромных алабастра из могилы V в. до н. э. Они изготовлены в технике песчаного сердечника из глухого белого стекла и украшены многорядным зигзагообразным орнаментом из голубых и сиреневых нитей. Подобные алабастры выполались сирийско-финикийскими мастерскими. Один такой алабастр был найден при раскопках в 2006 году в строительных котлованах двух 16-этажных домов рядом с городской поликлиникой.

Самая многочисленная группа стекла в собрании музея — это стекланные изделия первых веков, отличающиеся большим разнообразием форм: бальзамарии, стаканы, кувшины, чашечки, флаконы. Бальзамарии из раскопок Горгииппии чаще всего египетского и сирийского стекла. Встречаются бальзамарии производства мастерских Восточного Средиземноморья, восточных территорий Римской империи. Многие формы стекланных сосудов, будучи универсальными, изготавливались различными мастерскими, широко распространенными в античном мире. Так, бальзамарии, служившие для транспортировки ароматических масел, выдувались стеклодувами мастерских Сирии, Египта, Галлии и других центров. Обычай помещать в могилы предметы, необходимые умершему в загробном мире, сохранил большое количество стекланных сосудов.

В Горгииппии найден флакон из прозрачного зеленого стекла, выдутый в рельефной форме. Рельефные оттиски на его поверхности гидрии, амфорок, канфаров разделены вертикальными валиками на шесть граней. Такие сосуды относятся к сирийской продукции I в. н. э. и производились мастерскими Тира, Сидона.

В коллекции античного стекла музея представлен единственный сосуд в виде стилизованной птицы из бесцветного прозрачного стекла. Аналогичные сосуды найдены в некрополе Пантикапея. Подобные сосуды являются продукцией восточно-средиземноморских мастерских и датируются второй половиной I в. н. э.

Из раскопок горгииппийского некрополя происходят две амфорки цветного стекла (одна — из прозрачного лилового, другая — из прозрачного зеленого), обвитые нитью из глухого белого стекла. Возможно, мес-

том изготовления подобных сосудов является Александрия египетская, которая славилась стекланными изделиями такого рода.

Стекланные кувшины в собрании нашего музея представлены несколькими типами. Сосуды с прямоугольным туловом предназначались для транспортировки жидкостей или служили столовой посудой.

Горгипийские кувшины с прямоугольным туловом относятся к продукции западно-римских и восточно-средиземноморских мастерских.

Только на двух сосудах с прямоугольным туловом из Горгииппии имеется рельефное «клеймо» на доннышке. Подобные рельефные геометрические узоры на доннышках сосудов с прямоугольным туловом некоторые исследователи считают клеймом мастера или владельца мастерской, другие видят в них торговые марки.

В коллекции есть два кувшина бесцветного стекла с широким цилиндрическим туловом, на котором шесть шлифованных поясков. Произведены они в мастерских Восточного Средиземноморья в I в. н. э.

Стекланные стаканы представлены несколькими типами, бытовавшими в первые века н. э. В музее хранится несколько стекланных палочек для косметики. Палочки витые, с кольцом на одном конце и с диском — на другом. Изготавливались подобные палочки для косметики в мастерских Восточного Средиземноморья в I—II веках.

Обзор коллекции стекла музея дает представление о широких торговых связях Горгииппии в первые века нашей эры, когда в город поступали стекланные сосуды многих мастерских античного мира. Не менее важно, что в результате археологических исследований Горгииппии обнаружено собственное стеклоделательное производство II—III вв. н. э.

При раскопках северо-восточной окраины городища в доме 114 были обнаружены фрагменты 30 однотипных стекланных фиал, что позволило предполагать, что где-то поблизости находилось место их производства. В 1990 г. в подвалах 115 и 116 были найдены стекланные осколки, общий вес которых достигал 7 кг. В 1992 г. при исследовании помещения 119 обнаружена печь, которая, предположительно, использовалась для изготовления стекла, т. к. в заполнении этой печи встречены несколько оплавленных стенок стекланных сосудов, мелкие куски зеленого пузырчатого и гладкого стеклнного шлака. Рядом с печью обнаружены многочисленные куски стеклнного шлака, брака, стеклнная капелка, несколько фрагментов оплавленных бус и стенок стеклнных сосудов.

Существование этой стеклоделательной мастерской относится ко II—III вв. н. э., к периоду экономического расцвета Боспорского царства и Горгииппии в том числе. А битое стекло, как известно, в древности собирали для вторичного его использования. Оно шло в переплавку при варке стеклнной массы. Расположение же мастерской на окраине города обусловлено тем, что в практике античного мира было принято размещать

в противопожарных целях ремесла, связанные с большим огнем, вдали от жилых кварталов.

В 2007 г. вышла в свет книга Е. М. Алексеевой и Н. П. Сорокиной «Коллекция стекла античной Горгиипии» с характеристикой стеклянных изделий первых веков н.э., найденных в раскопках на городище и в некрополе Горгиипии. Книга отличается тщательностью освещения находок не только целых форм сосудов, но и фрагментов, в том числе и оконного стекла, применявшегося в Горгиипии в первых веках н.э.

В 2008 г. в Анапском археологическом музее открылась новая экспозиция — «Античный город Горгиипия», где экспонируются и лучшие образцы коллекции античного стекла. Среди них — великолепная чаша мозаичного стекла в технике «Goldbandglas» — «межстеклянного золочения», чашечка в технике «миллефиоре» — «тысяча цветов», алабастры сирийско-финикийской работы V в. до н.э. Все это стеклянное великолепие можно увидеть в новом зале музея-заповедника «Горгиппия».

СТЕНЫ ХРАМА

А. М. Новичихин

В последние годы в науке о древностях стало интенсивно развиваться такое направление, как «городская археология», или «археология нового времени». Одна из ее задач — изучение археологическими методами предметов и построек XVIII—XIX вв., причем заметное место уделяется обследованию культовых сооружений. Объектом подобного исследования стал и хорошо известный анапчанам храм Святого Онуфрия.

Славяно-русская колонизация Анапы началась с 1828 г., после капитуляции турецкого гарнизона Анапа стала русской крепостью. В начале 30-х гг. в укреплении было поселено несколько десятков семей черноморских казаков. В 1846 г. Анапа получила статус русского города. В мае 1855 г., во время Крымской войны, она была покинута жителями города и более года находилась во власти турок. С освобождением Анапа поначалу числилась укреплением, с 1862 г. стала казачьим поселком при станции Анапской, населенной черноморскими и азовскими казаками. Лишь в 1866 г. она снова обрела статус портового города.

С первых дней одной из важнейших задач русского командования Анапы стала забота о душевном спокойствии православного населения крепости, окруженной враждебно настроенными племенами. Под православную церковь было приспособлено здание турецкой мечети, но позже встал вопрос о строительстве в Анапе православного храма.

Согласно литературным и архивным источникам, а также исторической памяти анапчан строительство храма началось в 1830 г. Его возведением занимался

Анапский строительный комитет. Открыт храм был 25 (12) июня 1837 г. в день девятой годовщины взятия Анапы отрядом А. С. Грейга и А. С. Меншикова. Освящен во имя Святых Онуфрия Великого и Петра Афонского, память которых православная церковь почитает в этот день. В сентябре того же года Анапу посетил император Николай I — «прежде всего он поехал в церковь». В период турецкой оккупации 1855—1856 гг. анапский храм был разрушен. В 1860-е гг. в Анапе существовал молельный дом. Восстановление храма на прежнем месте началось в 1871 г., и 25(12) июня 1874 г. он вновь был открыт. В 1881 г. в храме был устроен придел в память Святого Благоверного князя Александра Невского. В конце XIX в. при церкви существовало православное кладбище, свидетельством чему является обнаружение летом 1991 г. к северу от храма разрушенного при земляных работах православного женского погребения, было найдено золотое обручальное кольцо с надписью: «Декабря 9 дня 1861-го. Ксенофонтъ».

История построенного в Анапе храма отражает все перипетии истории анапских поселенцев. Одновременно с этим анапская церковь Святого Онуфрия являет собой памятник материальной культуры русского населения Анапы XIX в. Его стены служат замечательным источником для изучения техники строительных работ и строительных приемов, применявшихся анапскими поселенцами в 1830-х и 1870-х гг.

В сентябре 1998 г. по благословию настоятеля анапского храма Святого Онуфрия Великого, благочинного Анапского округа протоиерея отца Виктора (Полянкина) автор получил возможность изучить освободившиеся от многолетних слоев штукатурки стены храма. Для осмотра была доступна северная часть внешнего периметра здания: северное крыло западной фасадной стены, северная стена, северная часть восточной стены, северо-восточная пристройка к алтарю и северная стена алтарного выступа.

Особое внимание привлекало основание кладки стен, в которой отмечалось применение разных строительных материалов и нескольких строительных приемов, а также оформление оконных и дверного проемов. В результате визуального осмотра установлены следующие особенности.

Большую часть доступного для обследования периметра храма составили северная и западная стены. От подошвы стен до высоты 0,6—0,8 м кладка здесь сложена из плоских каменных плит, плашмя, длинной гранью к фасаду. Она может быть определена как постелистая однорядная ложковая.

Использован камень песчаник, реже слоистый камень, называемый в Анапе дикарем-трескуном. Раствор известковый с примесью песка. На некоторых участках в швы между камнями вертикально вставляются небольшие каменные плитки, в нескольких случаях подобная «вставка» продолжается на два ряда кладки. На отдельных участках западной (фасадной) стены со-

хранились незначительные остатки известковой штукатурки розового цвета.

Далее, на большей части основания храма, до высоты 0,9—1,25 м следует кладка типа бутовой из мелких и средних камней песчаника неправильной формы с применением большого количества связующего известкового раствора.

До высоты 1,5 м идет кладка из тесаных квадров известняка и песчаника на плотном известковом растворе.

В ряде случаев для выравнивания верхней поверхности ряда кладки использованы обломки плоской античной черепицы и обожженного саманного кирпича. В кладке также отмечено использование вертикально установленных в швах каменных плиток.

Высоту от 1,5 до 1,7 м составляет ряд кладки из пиленых квадров очень мягкого ракушечника на плотном известковом растворе, который прослежен на всей доступной для обследования части периметра здания, за исключением северо-восточного угла и восточной стены. Квадры уложены в тычковой технике, т.е. обращены торцом к фасаду стены, причем все квадры имеют сколы. Это указывает на то, что камни, видимо, выступали за плоскость стены, образуя декоративный пояс, впоследствии сбитый. Одновременно пояс из мягкого камня по периметру здания мог выполнять роль своеобразной антисейсмической подушки, предохранявшей храм на случай землетрясения.

Выше следует обычная для архитектуры Анапы конца XIX в. кладка из местного желтого и розового кирпича на известковом растворе.

Особенностью отличаются северо-восточный угол храма и его восточная стена, имевшие каменную кладку на известковом растворе не только в основании, но и почти на всю высоту стен. Кладку можно охарактеризовать как постелистую иррегулярную с элементами бутовой техники на отдельных участках. Отмечены случаи вертикальной установки плиток в швах, в том числе соединяющих два ряда кладки. Раствор, связывающий камни этой части постройки, отличается меньшей плотностью, он очень рыхлый и содержит обильные примеси мелкой каменной крошки. На отдельных участках сохранились остатки штукатурки розового цвета на основе извести с добавлением мелко дробленной керамики (цемянка).

Представляется, что в данном случае мы имеем дело с остатками стен храма, сооруженного в 30-е годы XIX в., сохранившимися после его разрушения в середине того же столетия. Впоследствии эти стены были включены в периметр вновь отстроенного храма, т.е. к ним были пристроены новые кирпичные стены. На более ранний характер кладки северо-восточного угла и восточной стены здания указывает и отсутствие на этом участке декоративно-антисейсмического пояса из пиленого ракушечника, проходящего по всему остальному периметру храма.

Основание алтарной части было сложено из те-

саных квадров песчаника и известняка в постелистой однорядной ложковой технике на известковом растворе, в той же технике выполнена нижняя часть стен до пояса ракушечника. Стена на всю высоту представляет собой кладку в постелистой технике с использованием камня и кирпича. Примечательно, что в верхних рядах кладки имеются довольно крупные (длиной до 0,5 м) камни, что обычно происходит при использовании в качестве строительного материала камней из основания каких-то разрушенных построек.

С востока к алтарному выступу примыкает пристройка, цокольная часть которой сложена из тесаного камня в постелистой однорядной ложковой технике на известковом растворе. По всему периметру пристройки на высоте 1,5—1,7 м проходит пояс мягкого ракушечника. Эта деталь указывает на то, что пристройка сооружена вскоре после возведения храма и, видимо, теми же строителями. Идущая поверх стены сооружена из кирпича, угол сложен тщательно отесанными известняковыми блоками.

Оконные проемы северной стены и алтарной части здания были обрамлены кирпичной кладкой, выступающей за вертикальную плоскость стен, но впоследствии (в XX в.?) сбитой. Окна прямоугольной формы, завершающиеся дуговидной аркой. Арка окна алтарной части, обращенного к северу, образована двойной кирпичной кладкой, а обращенного к востоку — одинарной. Интересно оформление расположенного в северной стене храма дверного проема. До высоты 2,5 м его углы сложены из хорошо отесанных и тщательно подогнанных известняковых блоков на известковом растворе. Выше следует кирпичная кладка; из кирпича выложена также дуговидная арка проема, однако замыкает ее вытесанный из известняка клин.

Исследование показало, что при сооружении каменного основания храма использовалось несколько строительных техник: постелистая ложковая из плоских плит, бутовая и постелистая из тесаного камня.

Первые две техники характерны для кладки северо-восточного угла (в сочетании), а также нижней части основания северной и западной стены (последовательно). Данные участки стен храма следует связывать со строительными работами 1830-х гг. Надо полагать, их выполнили те же артели мастеровых, которые возводили жилища для анапских поселенцев. О наличии в Анапе подобного рода специалистов упоминает (судя по всему, на основании архивного фонда Анапского строительного комитета) известный кубанский историк Ф. А. Щербина.

Третья техника зафиксирована в верхней части основания северной и западной стен, а также в основании стен алтаря и пристройки к нему. Данные участки кладки следует связывать со строительными работами по реконструкции церкви в 1870-х гг.

Примечательно полное отсутствие в кладках основания кирпича. Создается впечатление, что строители сознательно стремились сделать его каменным. Для

Анапы активное использование в строительном деле камня неудивительно. Город располагался на месте турецкой крепости, и, как сообщает первый историк Анапы Н. И. Веселовский, руины ее укреплений активно использовались населением в качестве каменоломен: «От прежней стены остались только каменные городские ворота да местами земляной вал: весь камень был разобран русскими поселенцами на постройку домов и возведение заборов».

Есть основания полагать, что стены церкви, построенной к 1837 г., были полностью сложены из камня. Во всяком случае, нет никаких данных об использовании кирпича в строительном деле Анапы в это время.

Судя по остаткам цемьянки на западной и восточной стенах, здание было оштукатурено.

При восстановлении храма в 1870-х годах каменными остались лишь сохранившиеся участки стен северо-восточного угла и отреставрированные с эпизодическим применением кирпичной кладки стены алтарной части. Остальные же доступные для осмотра стены были возведены из кирпича. Следует отметить, что сочетание каменного фундамента с кирпичными стенами характерно для всех сохранившихся в Анапе жилых и общественных построек конца XIX — начала XX в. Храм Святого Онуфрия — самое раннее из известных здание, основание и стены которого выполнены в указанной технике.

В традиционном кубанском домостроительстве кирпичные дома поначалу, как известно, имели особую социальную значимость: они предназначены были подчеркивать «достаточность» их владельцев. Большое значение православного храма в русском городе XIX в. также, несомненно, повлияло на выбор материала для стен при его повторном возведении.

Особенностью кладок из каменных плит и тесаных квадров является вертикальная установка в швах между горизонтально уложенными камнями плоских каменных плиток. Указанные «вставки» нередко соединяют два ряда кладки. Подобный прием под названием «клинка» известен в строительной технике русского населения района Анапы в XIX — начале XX вв. По словам старожилов, он применялся в качестве антисейсмического средства, способного защитить стены здания от разрушения при землетрясениях. Наиболее ранний случай применения «клинки» документально засвидетельствован в стенах Анапской Батарейки — русского укрепления, построенного близ станицы Анапской (Николаевской) в 30—40 гг. XIX вв., что по времени совпадает с датой сооружения в Анапе изучаемого православного храма. В указанный период применение антисейсмических приемов в строительстве было оправдано: в 1830 г. в крепости ощущались толчки 7—8-балльного землетрясения, произошедшего на Тамани, а в феврале 1834 г. и в самой Анапе произошло 5-балльное землетрясение, вызвавшее разрушение ветхих строений. Примечательно, что этот прием использовался и при реконструкции храма спустя почти

четыре десятилетия после его возведения. Это может быть свидетельством устойчивой традиции.

Использование отесанных известняковых блоков для оформления углов и дверных проемов также зафиксировано в каменном и кирпичном домостроительстве Анапы и близлежащих станиц XIX — XX вв. Подобная техника в практике в этом районе впервые зафиксирована в стенах упомянутой Анапской Батарейки. По словам старожилов станицы, для оформления угловых конструкций здания наиболее подходит особая порода известняка, именуемая «цокотан». Карьер по добыче этого камня расположен близ х. Красная Скала Анапского района. Надо полагать, что подобное название камень получил по невысокой горной гряде Оцекутан, на которой расположен упомянутый пункт. Гряда сложена из пород в меру плотного, хорошо поддающегося обработке известняка и известна несколькими карьерами по его добыче.

Археологическое наследие Анапы богато и другими памятниками христианской культуры. В настоящее время автором ведется работа по выявлению и изучению памятников христианской истории нашего города. История каждой находки — это новая глава будущей книги, посвященной христианским древностям Анапы.

ПЕРВЫЙ СТАРОСТА АНАПЫ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ТОЛМАЗОВ

З. Е. Харалдина

«В Анапе городское положение 1870 г. не введено, а заведывает делами по городскому управлению Анапская полиция», — пишет в своем «сочинении» о портовом городе Анапе, изданном в 1890 г., полицейский служитель Р. М. Легкий. Он же сообщает, что полицейское управление Анапы состояло из полицмейстера, секретаря, помощника секретаря (он же бухгалтер и приходорасходчик), следственно-исполнительного пристава, помощника пристава, 8 полицейских и 2 депутатов, «избранных обществом для участия в делах городского хозяйства и заседающих в общем присутствии полиции по городским делам».

По положению 1892 г. об «упрощенном» городском управлении сход домохозяев избирал на 4 года собрание уполномоченных из 12 человек, а они уже выбирали городского старосту с помощниками. Такое управление планировалось ввести и в Анапе, активная переписка с властями Кубанской области велась в 1892—1894 гг.

В октябре 1895 г. был составлен и напечатан типографским способом список анапских домовладельцев и собственников, имеющих право по имущественному цензу быть избранными в уполномоченные собрания. Сумма оценки недвижимого имущества указывалась против каждой фамилии.

16 января 1896 г. были разосланы именные приглашения, написанные на тетрадном листочке от руки чернилами правильным детским почерком: «Городская полиция просит вас пожаловать 21 января к 8 часам утра в помещение Анапской городской полиции, из которой будете приглашены в церковь для выслушивания божественной литургии и молебна, а затем в дом наследников генерал-майора Крюкова для принятия присяги и участия в сходе для выбора 15 уполномоченных в городское общественное управление. Настоящее приглашение должно быть сохранено и будет служить входным билетом на сход. Полицмейстер А. И. Штригель».

Баллотировочный лист о выборах уполномоченных в анапское городское управление имел несколько граф, в том числе: «лета», «число избранных баллов», «число неизбранных баллов».

15 избранных уполномоченных должны были выбрать городского старосту и двух помощников. При голосовании определились два лидера: коллежский секретарь, податной инспектор Попов Александр Сергеевич, 30 лет, 7 голосов — «за», 6 — «против», и, «содержащий банкирскую контору», Пиленко Владимир Илларионович, 27 лет, получивший 6 голосов «за». Попов А. С. постоянно проживал в Санкт-Петербурге, а в Анапе имел дом по адресу «Морской берег», стоимостью 2 тыс. руб.

Эти выборы, состоявшиеся 10 февраля 1896 г., были признаны недействительными, ввиду «неизъявления согласия министра финансов на совмещение должности податного инспектора А. С. Попова», о чем полицмейстеру сообщил в своем письме начальник Кубанской области и наказной атаман Я. Д. Малама.

В марте состоялись повторные выборы старосты.

Наибольшее число голосов: 5 — «за», 7 — «против» набрал Владимир Илларионович Пиленко, на втором месте: 4 — «за», 8 — «против» — оказался Иван Дмитриевич Толмазов. И эти выборы были признаны недействительными. В письме Я. Д. Маламы указывается причина: «Заявление уполномоченных о назначении старостой В. И. Пиленко не может быть уважено, т.к. означенное лицо не имеет имущественного ценза. Пригласить всех уполномоченных 17 марта и произвести новые выборы». Собственность В. И. Пиленко на ул. Керченской была оценена в 600 руб.

Как проходили выборы в марте, мы не знаем. В письме начальника Кубанской области полицмейстеру Анапы от 13 апреля говорится: «Предлагаю уведомить собрание уполномоченных, что в должности старосты мною назначен отставной штабс-капитан Иван Дмитриевич Толмазов и утверждены помощниками В. А. Кравченко и В. И. Пиленко, почему чрезвычайное заседание для открытия действий в Анапе городского положения с упрощенным управлением, в том порядке как изложено в предписании № 471, назначить 14 апреля».

Следующим днем датировано письмо анапского

городского старосты И. Д. Толмазова полицмейстеру А. И. Штригелю: «Так как все работы по гербовому и городскому счетоводству, по воинской повинности и мещанскому управлению переходят в городскую Управу, прошу вас секретаря полиции Д. Стоецкого допустить к временному заведованию делопроизводством вверенного мне управления».

В Санкт-Петербургскую мастерскую офицерских и гражданских вещей А. А. Петрова был направлен заказ: «Просьба прислать три посеребренных знака с накладными буквами на большой угол, один — с надписью: "Анапский городской староста" и два — "Помощник Анапского городского старосты". Так бывший военный 58-летний И. Д. Толмазов был избран на главную городскую должность».

Отставной штабс-капитан до назначения городским старостой в полицейском управлении был депутатом по хозяйственной части, членом комиссии по переоценке недвижимых имуществ, «состоящим в покровительстве» комитета раненых и увечных воинов, т.е. личностью в Анапе известной. Он исполнял должность старосты до следующих выборов в сентябре 1900 г. Именно на время его правления приходится рост популярности Анапы как прекрасного места морских купаний, организуется работа первых лечебных учреждений — морских купален, водолечебниц, благоустраиваются городские улицы и скверы. О деятельности И. Д. Толмазова в эти годы пишет в своей брошюре «Анапа. Ее прошлое, настоящее и будущее» В. А. Будзинский: «Не жалея ни своей энергии, ни даже личных средств, заботится о развитии Анапы; он ввел обязательное постановление для жителей иметь у своих домов мощные тротуары». Иван Дмитриевич был председателем строительного комитета, который осуществлял сооружение первого санатория Будзинского В. А.

Староста с двумя помощниками решали множество жизнеобеспечивающих вопросов: финансирование, землепользование, застройка, водоснабжение, озеленение, освещение, ремонт и содержание городских учреждений, дорог, тротуаров, организация работы торговли, транспорта, связи, банковских и кредитных учреждений, летние гастроли и развитие самодельного народного творчества, благотворительность и нравственность. Вспышки инфекций и эпидемии оспы, пожары и стихийные бедствия, убийства и грабежи, жалобы и обращения граждан, городские сплетни и курьезы — таким был поистине необъятный диапазон обязанностей членов городского управления. Работа ежедневная, рутинная и всегда неблагодарная.

В 1904—1906 гг. И. Д. Толмазов вновь был первым лицом в Анапе — городским головой. О менталитете анапского общества (население города составляло чуть более 10 тыс. человек) и об отношении его к властям красноречиво свидетельствует один документ. Газета «Кубань» в июне 1906 г. напечатала письмо И. Д. Толмазова в редакцию — ответ на статью в предыдущем

номере некоего «А.К.», в которой против городского головы Анапы выдвигается ряд обвинений.

«Конечно, г. Толмазов вымостил Маламинский проспект и Толмазов переулочек. Почему же проспект вымощен лишь до дома И. Д. Толмазова?»

Голова отвечает: «Смета была составлена бывшим городским старостой Ю. Д. Пиленко и утверждена главным управлением Торгового мореплавания, все работы выполнены согласно этой сметы».

Обвинение: «Толмазов любит ездить в Петербург за городской счет, ездит как раз тогда, когда ему надо отвезти или привезти своих детей».

Ответ: «Свои поездки в Петербург произвожу за собственные средства, это легко проверить по отчетным документам управы».

Далее Толмазов сообщает: «13 июня 1906 г. я получил по почте письмо угрожающего содержания: "Группа Керченской боевой организации дает вам срок 10 дней. Если вы не уедете из города в продолжение этого времени и не уйдете в отставку, то будете убиты"».

В отставку И. Д. Толмазов ушел в июле 1906 г., когда городским головой был избран В. И. Пиленко. Иван Дмитриевич был избран в гласные думы и продолжал активно участвовать в решении важнейших городских вопросов, нередко критикуя власти. В 1911 г., в возрасте 73 лет, И. Д. Толмазов умер и был похоронен на кладбище на Высоком берегу.

БЕЛАЯ САНАТОРИЯ

Н. Д. Молла

В 1907 г., когда Анапа уже приобрела известность курортного города, сюда приехали из Сибири два педагога, состоявшие в гражданском браке, — Щепетев Виктор Петрович, бывший директор гимназии, и Вознесенская Елена Николаевна, ранее работавшая заведующей женским шестиклассным училищем. Они поселились в Анапе из-за болезни, в надежде на исцеление. Маленький городок произвел на них хорошее впечатление — расположенный на берегу теплого моря, с его выбухами, мягкими песками пляжей, благоприятным климатом, обилием овощей и фруктов, дешевой и простой жизни.

Все это привело их к решению открыть здесь частное учебное заведение с курсом гимназии для мальчиков и девочек, которые могли бы не только учиться, но и поправить здоровье в приморском городе. Своими замыслами педагоги поделились не только с местными властями, но и с видными общественными деятелями города и получили полную поддержку. Мало того, городская дума приняла решение выделить 1000 рублей ежегодного пособия для бесплатного обучения в гимназии детей горожан, которые проявили необходимые способности к учению. Открылась гимназия 1 октября 1907 г. Она имела всего 4 клас-

са — подготовительный, 1, 2 и 3 классы; всего учащихся было 55 человек, из них платных — только 30. Это обстоятельство вызвало определенные финансовые затруднения (предполагалось, что детей будет не менее 150), однако одного учебного года оказалось достаточно для того, чтобы увидеть и оценить результаты пребывания на юге, у моря, детей с ослабленным здоровьем, особенно иногородних — они прекрасно выглядели, были жизнерадостны и приветливы.

Год спустя после открытия частной курортной гимназии, в октябре 1908 г., в Анапу прибыл попечитель Кавказского учебного округа Н. Ф. Рудольф, познакомился с работой нового учебного заведения. Беседы с учредителями гимназии, детьми, их родителями оставили в нем хорошее впечатление и показали перспективность учебных заведений подобного рода. После вторичного посещения Анапы в 1910 г. Н. Ф. Рудольф ведет с представителями городского общественного самоуправления вполне конкретные разговоры «о том, что Анапа — лучшее место для открытия курортного среднего учебного заведения и для открытия здесь таких санаторий, где слабые, истощенные, выздоравливающие после тяжелых болезней, страдающие рахитом, малокровием, туберкулезом костей и желез учащиеся со всех концов России и Кавказа находили бы, не прерывая учения, самую целесообразную, гигиеническую обстановку и удобства. Попечитель округа отметил, что только при этих условиях родители согласятся посылать детей в Анапу» (В. П. Щепетев. Анапа. Лечебная и климатическая станция. Тифлис, 1914 г.).

К этому времени в гимназии уже было восемь классов, в которых обучалось до 200 учеников, в 1913 г. был первый выпуск. Увеличение штата гимназии к 1912 г. поставило учреждение в крайне затруднительное положение, и на этот раз пришел на помощь Н. Ф. Рудольф. В. Щепетев в вышеназванной книге пишет об этом: «...путем личных ходатайств в Министерстве народного просвещения добился открытия с июля 1914 г. в Анапе казенной гимназии».

Таким образом, в Анапе впервые в России было создано курортное учебное заведение не только для горожан, но и для иногородних. По личным указаниям Н. Ф. Рудольфа был создан план здания санатория, а «средства для начала были исходатайствованы у Наместника его Императорского Величества на Кавказе из тех сумм, которые поступают из сборов на борьбу с туберкулезом. Землю, по ходатайству Н. Ф. Рудольфа, охотно отвела Анапская городская дума в количестве немного менее полудесятины» (В. Щепетев, там же).

В результате общих усилий в Анапе была открыта «Первая санатория учащихся и учащихся Кавказского учебного округа». Находилась она в непосредственном подчинении директора Анапской правительственной гимназии (директором ее и автором используемой нами книги, являющейся истинной энциклопедией анап-

ской жизни до революции, был В. П. Щепетев). Цель санатория — в летнее время служить квартирой приезжающим в Анапу для отдыха и поправления здоровья учителям и учащимся кавказского учебного округа, в остальное время года — пансионом для учащихся в Анапской правительственной мужской гимназии, нуждающихся в поправлении здоровья.

Летнее время делилось на два срока — каждый по шесть недель. В первый срок санаторием пользовались учителя и ученики мужских учебных заведений, во второй срок — женских. Число пансионеров не должно было превышать одновременно 20 человек — 10 учителей и 10 учащихся. За содержание в санатории с учителей и учеников взималась плата — по 35 руб. в месяц. Питание было четырехразовое — стол был простой, но питательный.

Все пансионеры должны были неукоснительно соблюдать правила внутреннего распорядка и «безусловно подчиняться всем предписаниям врача как относительно лечения, так и образа жизни» (В. Щепетев).

Положения и правила включали много пунктов, среди которых была обязанность соблюдать «самую безукоризненную чистоту». Запрещалось плевать не только на пол, но и на землю на территории санатория, курить в зданиях санатория и вне их, употреблять спиртные напитки. Запрещались азартные игры, нельзя было днем находиться в спальнях, нарушать тишину, хлопнуть дверьми. С 11 ч. вечера до 7 утра гасился свет. В это время запрещались громкие разговоры, пение, музыка. О порядке в своей комнате должны были заботиться сами пансионеры.

Не были забыты и рекомендации — перед едой и после нее старательно полоскать рот и мыть руки.

За нарушение любого пункта (а всего их было 36) положения следовало строгое наказание — выписка из санатория. В дальнейшем предполагалось значительно расширить санаторий — построить небольшие домики для семейных, другие помещения, но планам не дано было осуществиться.

Здание санатория по тем временам было прекрасно оборудовано «новейшим приспособлением для получения стерилизованной воды — горячей и холодной (кипятильник системы инженера Безсонова), отдельной кухней и навесом для летней столовой, системой отопления мальцевскими печами "Метеор", водопроводом, усовершенствованной вентиляцией, электрическим освещением, пылесосом» (В. Щепетев, там же).

Несколько лет назад в музей попал листок из журнала «Огонек» за 1903 г. с маленькой заметочкой и крошечной фотографией, а рассказывали они о том, что при строительстве санатория, чтобы сэкономить средства, гимназисты мужской гимназии работали бесплатно на расчистке территории (здание строилось на месте крепостного вала, на фото группа гимназистов с лопатами в руках). Вот, оказывается, когда в Анапе был первый «воскресник» или «субботник».

Местные жители вместо длинного официального

названия стали называть климатическую гимназию гораздо короче — «Белая санатория». И действительно, белый цвет преобладал — и снаружи и внутри — белое здание, белые стены, белые окна и двери, белая дачная мебель, светло-серые полы.

Здание санатория сохранилось до наших дней, и анапчане хорошо его знают — в нем находится краеведческий отдел археологического музея-заповедника. Правда, оно несколько изменило свой первоначальный вид — вместо двух террас — южной и северной — закрытые помещения, появилась пристройка — вестибюль музея. В настоящее время здание Белой санатории является памятником истории.

«С СВОИМ НАРОДОМ ШЛА НА БУНТ...»

З. Н. Лемякина

...И в нашей маленькой Анапе, как в капле воды, отражалось все, что делалось во всей России.

(«Как я была городским головой». Ю. Д.)

Цель данной статьи — ввести в научный оборот по истории революции и Гражданской войны на Кубани воспоминания участницы этих событий, известной ныне как монахиня мать Мария (Скобцова), а тогда члена эсеровской партии (правого крыла), ставшей в переломный, очень короткий и сложный период, городским головой Анапы и носившей фамилию Кузьмина-Караваева.

Ее биографический очерк «Как я была городским головой» использовался историками (с 1991 г.), искажавшими трактовку событий, данную автором, которые упреками его в необъективности. Все зависело от идеологии времени, когда писалось сочинение. Биографическая литература окрашивала портрет автора в разные цвета: от черного — в качестве террористки-эсерки, до красного — большевички.

Традиционно при изложении важнейших событий историки в большинстве своем ссылаются на воспоминания тех авторов, которые стояли во главе событий, доверяя им, как и первоисточникам. И это понятно. Но как быть с теми, кто оказался отринутым в силу своей сложной индивидуальной судьбы, в силу господствовавших идеологических установок и трактовок, заданности понимания происходившего. Сегодня, когда стало возможным пересмотреть многое из уже исследованного, когда открываются новые имена и есть реальное отношение к событиям почти девяностолетней давности, нам представилась уникальная возможность сделать это по истории событий 1917—1919 гг. благодаря исключительному источнику, поступившему недавно в Анапский музей. Этот источник пришел к нам в виде копии авторской рукописи «При первых большевиках», принадлежавшей Елизавете Юрьевне, ставшей

основой для очерка «Как я была городским головой», опубликованного в эмиграции в журнале «Воля России» № 4—5 за 1925 год и подписанного тогда инициалами «Ю. Д.» В России впервые он был опубликован в 1991 году. За псевдонимом Юрий Данилов скрывалось имя Елизаветы Юрьевны Скобцовой, нашей землячки, известной в эмиграции уже по фамилии своего мужа (с 1919 г.) казака, члена Кубанского Краевого правительства по ведомству земледелия и депутата Кубанской войсковой Рады (1918—1919 гг.), а по известному завершению событий на Кубани, члена комиссии по вывозу Почетных регалий Кубанского казачества Даниила Ермолаевича Скобцова. Автор очерка подписалась инициалами имен своих отца, сына и мужа.

Удивительна судьба автора очерка, а главное, рукописи. Это судьба, в которой совместились понятия, прилагасмые к немногим участникам событий: «красный среди белых, белый среди красных». Да, она покинула родину в 1921 г., потому что была антибольшевичкой, в эмиграции ее считали красной за социалистические убеждения.

Ее судили белые в 1919 г. за «сотрудничество с большевиками», а она уезжала от суда красных в 1921-м, как член активного крыла партии правых эсеров, борющихся за созыв Учредительного собрания и т.д. Суд над эсерами, разразившийся в 1922 году, как известно, закончился смертными приговорами, тюрьмами и лагерями.

Кто же она, человек, так круто изменивший свой путь в духовном плане в эмиграции, а по сути, остававшийся верным себе, своему идеалу «сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное» (из письма Лизочке Пиленко от К. П. Победоносцева). Истину — «любовь выше справедливости», открытую в ее философской повести «Юрали» (1915), она выстрадала в горниле революции и Гражданской войны.

Напомним вехи ее биографии. Потомственная дворянка, получившая хорошее воспитание в семье, объединившей родовитых предков по линии матери (Делоне) и представителей служивого казачьего рода по линии отца (Пиленко), классический тип русской интеллигентки начала XX века. Ее образование складывалось из фундаментальных основ, полученных как в лучших гимназиях Петербурга, так и на Высших женских бестужевских курсах (философское отделение историко-филологического факультета). Продоленное в религиозно-философских кружках, оно позволило ей в 1915 году, нарушив все традиции, сдать экстерном экзамены по курсу мужской Петербургской духовной академии. Как стало известно во время суда в 1919 году в Екатеринодаре, из открытого письма в ее защиту, Елизавету Юрьевну прочили в ректоры женской духовной академии. Вот откуда истоки ее богословского наследия, ее монашества, «Православного дела» — социальной организации, созданной ею в эмиграции в «традициях первых христиан».

До эмиграции, в период своей жизни в России, насыщенной революционными настроениями, она не могла не быть в числе тех, кто стремился к социальным преобразованиям, и ее «душе хотелось подвига», и она «с своим народом шла на бунт, в восстании всеобщем восставала» («Духов день», 1942 г., м. Мария).

Ее причастность к партии эсеров замалчивалась и оспаривалась, умалялась и была сведена к факту массового вступления в партию эсеров в марте 1917 г., что совершенно не вяжется с ее эсеровскими взглядами в 1913—1917 гг., наконец, с ее делегированием в апреле 1918 г. от Анапской и Новороссийской партийной конференции на VIII Совет партии правых эсеров, где ее избирают в состав письменного отдела ЦК партии эсеров.

Она участвует по заданию ЦК в революционных событиях в Москве, Поволжье, а после ряда неудач, в октябре 1918 года, вместе с членом ЦК Евгенией Ратнер, с большими трудностями добирается до Кубани. В «тихой» Анапе ее ждали тюрьма, суд белых в Екатеринодаре, который вошел в число самых громких дел, рассмотренных военно-окружным судом в 1919 году.

Вот почему в ее рукописи и очерке такая емкая и точная характеристика событий 1917—1919 гг., не списанная ни из каких книг и «кратких курсов». В отличие от перевернутости характеристик, которая существовала долгие десятилетия, рукопись Е. Ю. Скобцовой свободна от этого, в ней все события и имена названы открыто, точно и последовательно. Они объясняют многое, и именно это позволяет нам поставить точки на фактах и характеристиках личности того времени.

Историческая панорама Анапы, данная в рукописи, включает около 100 имен на 36 страницах рукописного текста. Безусловно, это не взгляд со стороны, а изнутри, при том, что автор, в силу личных качеств, положения, своего участия, знает обо всем, касающемся ее лично, и тех, кто рядом с ней или против нее. Против ли человечности и порядочности, касается ли это белых, касается ли это красных, обывателей или партийных деятелей. Более того, будучи на острие событий, автор делится сомнениями, рассуждениями и при этом иногда много шире анапских дел и, конечно же, очень профессионально, когда это касается партийных вопросов.

Теперь, когда мы знаем, как мучили ее воспоминания о событиях, которые вытеснили ее из России (а она до конца дней своих любила родную землю и людей, живших на ней), мы понимаем, что толкало ее к изложению событий, как мучительно было осознание того предела, к которому она пришла и не могла смириться с памятью о дорогах своей судьбы, предательством людей, невозможностью изменить ушедшее.

Конечно же, ее рассказ, написанный на чужбине и пришедший к нам через 82 года, потрясает своей правдой имен и фактов. Мы невольно сверяем имена, узнаем те, которые были закрыты временем. История ожила, наполнилась трагедией жертв того неуправляемого времени.

Рассказ с именами в рукописи (а в очерке они сняты или изменены), подробности и пружины событий, исключенные самой Елизаветой Юрьевной при публикации в 1925 году из этических норм, как их понимала автор, не требуют дополнений, разве что уточнений на тему о том, что было нам не известно или известно только наполовину. Так, вопросы о передаче и распределении земель, о контрибуции в 20 тыс. рублей, востребованных с города анархистствующими моряками, их самосуде над анапчанами, об убийстве 16 апреля 1918 года председателя Совета Протапова П. И. и, что очень важно, кто стоял за этим.

Например, в музее хранится фотография Протапова П. И. с надписью того времени, корявым почерком: «Убит эсерами». Это ведь Елизавету Юрьевну, как эсерку, хотели вытолкнуть под приговор трибунала 16—17 апреля 1918 года, при советской власти, так же, как казнили «постановлением народного суда», оговорив в убийстве Протапова, троих неповинных в этом, но мародерствовавших братьев Лучиных, для устрашения горожан.

«Убрать при попытке к бегству» ее хотели и во времена хозяйничанья белого генерала Покровского в Анапе, подставив ее до суда, как яркую большевичку. И этих людей она знала, знала и помнила. Многих спасала, а помогала всем. Она упредила такой исход, сдавшись сама под охрану коменданту города. И на суде в Екатеринодаре, в заключительном слове, она заявила, что ей приходится отвечать за чужие преступления, и, что самое главное, за чуждую идеологию. И в рукописи-исповеди, она говорит, имея в виду, конечно, менее всего себя, такими словами: «И, пожалуй, именно самое страшное в революции, и особенно в гражданской войне, что за лесом лозунгов и этикеток мы разучаемся видеть деревья — отдельных людей».

Сегодня благодаря очерку и рукописи «При первых большевиках» Е. Ю. Скобцовой мы получили исключительную возможность пересмотреть и свое отношение к описываемым событиям, и роль автора в них. Часть большого пути, живая пульсирующая память, ощущение бытия самой эпохи дает нам соприкосновение со словом автора и участника этих событий — нашей землячки, урожденной Е. Ю. Пиленко.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

(Продолжение)

В. Валиев

-С-

САВИНА ЩЕЛЬ — левая щель долины Сукко, выходит к братской могиле, здесь 14 декабря 1942 г. фашисты расстреляли 37 сельчан-заложников, большинство из которых дети от года до 18 лет. Название по фамилии бывшего хозяина хутора. Ныне в щели расположен центр для конных прогулок и зооулоков.

САМБУРОВА — улица в центре Анапы (прежнее название — Нижегородская), носит имя командира десанта подполковника Н. Самбурова, погибшего на катере с десантом у берега ст. Благовещенской. Посмертно награжден орденом Отечественной войны. Такое же имя носит вершина (344, 6 м) восточнее ст. Натухаевской.

САХАРНАЯ ГОЛОВА — господствующая вершина (559,5 м) Маркотхского хребта северо-восточнее Новороссийска. За нее 318-я вела тяжелые бои и потеряла много бойцов, поэтому ее в годы войны называли «Кровавой». Здесь погиб поэт Павел Коган. При наступлении ее взяла с боя 55-я гвардейская сибирская дивизия. Ныне здесь проводятся фестивали бардовской песни, посвященные памяти поэта П. Когана. А в районе северо-западнее п. Дюрсо есть еще вершина Сахарная головка (544 м). Названия связаны с бело-серым цветом горной породы — мергелем. Поэтому Маркотхский хребет иногда переводят как «Седая старуха».

САШ — бывшее русское укрепление между Анапой и Суджук-кале (Новороссийск). В 1839 г. здесь произошло сражение под названием «Сашская битва». Русские сосредоточили огромные силы, чтобы не допустить прорыва черкесов на Тамань. Черкесы сумели взять укрепление Саш, но не смогли его удержать.

СЕМИБРАТНЕЕ ГОРОДИЩЕ — археологический памятник VI—IV вв. до н.э. Расположен на левобережье Кубани в 10 км к западу от ст. Варениковской. Здесь располагалось святилище Аполлона. Открыт трактористами при пахоте в 1937 г. Несколько раз разрушалось, окончательно в 3-м веке н.э. Древнее название города — Лабрита (от Лаврийской равнины). Одноименные курганы высотой 6—15 м расположены у х. Разнокол. Это захоронения синдов V—IV вв. до н.э. Название по числу курганов, насыпанных по легенде над могилами семи братьев. В сентябре 1943 г. в боях у курганов отличился Владимир Тарасевич, удостоенный за это звания Героя Советского Союза.

СЕМИГОРЬЕ — бывшее курортное местечко, богатое минеральными йодобромными источниками. Расположено в 23 км от Анапы перед Баканским перевалом. Здесь семь холмов высотой 200—220 м. В 1901 г. источники были обследованы, а позже доктор В. Будзинский открыл санаторий. В 1914 г. курорт «Семигорье» был удостоен Золотой медали на Всероссийской выставке. В 1905 г. профессор И. В. Чуевский написал книгу «Семигорские минеральные источники». В минеральном источнике во имя св. Владимира были обнаружены миниатюрные человеческие органы из глины и дерева, которые забрасывали больные, задабривая божества, перед тем как пить воду. Санаторий (раньше — санатория) был разрушен в Великую Отечественную войну. Минеральную воду «Семигорскую» используют в анапских здравницах, на ее счете есть несколько медалей разного достоинства.

СЕМИСАМСКИЙ ХРЕБЕТ — тянется от Лысой горы у Анапы до Сукко, круто обрываясь к морю, и далее вдоль долины. С него начинаются Кавказские горы. Длина около 25 км, наивысшая точка — Козлова гора (32 м). В ночь на 1 мая 1943 г. у обрыва напротив с. Варваровка высадился десант под руководством капитана Д. Калинин. В неравном бою десант погиб, а Калинин подорвал себя и нескольких фашистов гранатой. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза. В 2007 г. здесь была открыта мемориальная доска. Название по форме гряды — «куча скал» («самз, семе» — «куча», «семи» — «скалестый»), возможно, от имени Сымсым. Адыги называли хребет Хендерейскими горами.

СЕНАПКА (Сэнап) — небольшая речка, протекающая через ст. Гостагай, впадает в р. Гостагайку. С адыгского «санэ» — «виноград», «пэ» — «устье», т.е. «виноградное устье».

СЕНЕТХ (Сэнэтх) — хребет, огибающий ст. Гостагай, является водоразделом р. Гостагайка (Анапский район) и Псебепс (Крымский район). На его склонах адмирал Серебряков в 1842 г. вел бои с непокорными горами. С адыгского «санэ» — «виноград», «тхы» — «хребет», т.е. «хребет, на котором растет виноград». «Сэнэтх» — у адыгов сорт винограда.

СЕРГВЕВА ЩЕЛЬ — правая щель долины Сукко, перед Желанной щелью. Название по фамилии хозяина хутора. Сселен в 1937 г. Сюда в декабре 1942 г. фашисты дважды сгоняли жителей села для расстрела, но из-за неявки эсэсовцев распускали.

СЕРЕБРЯНАЯ — довоенное название нынешней улицы им. И. Голубца. По этой улице исстари протекал ручей из родников, берущих начало у с. Су-Псех, где до сих пор есть улица с таким же названием.

Серебряный источник расположен у бывшего хутора Марченко.

СЕРЕБРЯНЫЕ КЛЮЧИ — небольшая речушка, истоки которой находились в Су-Псехе. Она протекала в начале XX в. мимо нынешнего МГПУ и по Краснодарской уходила в море.

СИНАВКА — речка восточнее ст. Гостагай на границе с Крымским районом.

СИНДИКА (Синд, Синдская гавань, Синдон, Синдик, Синдос и др.) — портовый город в районе нынешней Анапы в VII—IV вв. до н.э. О его месторасположении и датах есть несколько мнений. Столица синдов, коренных жителей Тамани. Название говорит само за себя — гавань, вокруг которой живут синды. Район Синдики (Синд — Ир или Шинджир) считался колыбелью черкесского народа (Туби — хаса). С санскрита «Синд» означает «Река» (видимо, подразумевалась Кубань). Восприняв греческую культуру, синды вошли в Боспорское царство в IV в. до н.э.

СИНДСКАЯ ГАВАНЬ (лиман Сунджик, Синдикос лимен) — располагалась в районе устья древней Кубани, на ее берегу находилась столица синдов — Синдика.

СИНДСКИЙ ОСТРОВ — самый крупный остров Таманского архипелага, позже стал южным полуостровом. Отделялся от Фанагорийского острова р. Гипанис.

СКАЖЕННАЯ — вершина — на юго-восточной оконечности Навагирского хребта в начале долины Сукко.

СМОЛЯНКА — см. хутор Воскресенский.

СМОЛЯНОЙ ПОСТ — укрепление на правом берегу устья Кубани. В 1829 г. здесь произошел жестокий бой поста с крупным отрядом натухаевцев под командой князя Сулако.

СОБАЧИЙ ХУТОР (местное) — местечко на окраине 3-го микрорайона, где до войны после сезона собиралась стая голодных бродячих собак.

СОБОЛИСТАЯ — шестая правая щель долины Сукко. Название дали охотники.

СОКУРОВ (Цокур) — лиман, в переводе кривой лиман (см. Кизилташский) (В. Соловьев).

СОЛДАТСКАЯ — вершина (185 м) хребта Кузня, круто обрывающаяся у моря в долине Сукко. Летом 1998 г. здесь произошел обвал около 40 м глинистого берега до 15–20 м высоты, к счастью, обошлось без жертв. Название от погранзаставы, размещавшейся у подошвы горы с 1920 по 1963 г. Излюбленное место отдыхающих. Ныне здесь разместились крупнейшая здравница ДООЦ «Смена», на базе которой проводятся европейские чемпионаты, международные соревнования и президентские игры.

СОЛЕНое — небольшое озеро на Бугазской косе в широкой ее части. Располагает сероводородными лечебными грязями с самой высокой концентрацией сероводорода в РФ. В сентябре 1943 г. в районе озера шли тяжелые бои.

СОЛЕНый — хутор за поселком Джигинка, название от солончаков.

СОЛНЕЧный — бывший фельдшанец на северной оконечности Бугазского гирла, был построен по приказу Суворова в 1778 г. на месте, где черкесы вброд переходили устье Кубани.

СОЦкий ЛИМАН — небольшое урочище в 10 км восточнее х. Чекон Анапского района.

СПИРЯНКА — речка, впадающая в р. Гостагайку, протекает через станицу. Происхождение названия не ясно.

СРЕДний БУГОР — горная вершина (307 м) хребта Кузня на изгибе дороги перед спуском к Б. Утришу. У его подошвы в Турецкой щели размещается б/о «Колосок». Здесь имеется несколько туристских троп и открывается красивый вид на море. Название от расположения между Солдатской и Кабаньей вершинами.

СТАНИЧКА — бывший поселок на м. Мысхако, полностью уничтоженный в ходе боев за Малую Землю. Здесь 4 февраля 1943 г. высадился десант Ц. Куникова. За Малую Землю сражалось много анапчан. Ныне на месте Станички размещается Куниковский жилой микрорайон Новороссийска, Мемориальный му-

зей, музей оружия. Название от уменьшенного «станица» или конного сторожевого отряда — станицы, разбиравшего передвижной лагерь у Константиновской крепостцы.

СТАРАЯ КУБАНЬ — еще в XIX в. через это 30-километровое дельтовое русло на границе Анапского и Темрюкского районов в Черное море уходила половина кубанской воды. При впадении русла через лиман в море оно называлось Бугаз Кубани («богаз» — «гирло, горло»).

СТОВБУРЕВА ЩЕЛЬ — выходит в середину с. Сукко. Название по хозяину бывшего хутора старожилы с. Сукко.

СТРЕЛКА — населенные пункт недалеко от пересечения дорог: Анапа — Тамань — Темрюк. В XVIII в. здесь располагался городок некрасовских казаков — Большая станица, потом русское укрепление Некрасовское. По указанию А. В. Суворова в 1778 г. укрепление было перестроено и переименовано в Екатерининскую крепость (В. Соловьев).

СТРОПКОВА ЩЕЛЬ — за речкой Шингари. Здесь 1 мая 1943 г. 22 советских десантника уничтожили свыше 100 гитлеровских солдат. Ныне установлен монумент Герою Советского Союза Д. Калинин и морякам-десантникам. Еще раньше здесь совершил подвиг Виктор Головахин, вызвавший огонь катера на себя, чтобы уничтожить вокруг фашистов. Излюбленное место туристов. Ныне здесь располагаются пансионаты «Дон» и «Шингари».

СУВОРОВО-ЧЕРКЕССК — поселок на берегу Витязевского лимана. В начале XIX в. здесь был аул исчезнувшего адыгского племени Гъуагъо. В 1848 г. на развалинах аула был заложен Суворовский редут для отражения нападений черкесов на Анапу. В 1866 г. здесь был размещен Черкесский эскадрон милиции (на правах казаков, поэтому иногда называли «Казачий аул»), и селение получило статус станицы Суворово-Черкесской. В 1864 г. у станицы инженер Кеслер добывал нефть. В 1914 г. отличились в I мировую войну жители аула Бег Мое, Шумаф Хагуров, Исхак Туго и др. В 1918 г. председателем Ревкома был избран Тлебзу Хапак. После войны все адыги были переселены в Адыгею. Здесь родился и учился в школе современный адыгский писатель Натхо Кадыр, эмигрировавший в США. Прежнее название аула — Хатрамтук (Хъатрамтыку) — куток Хатрамовых, есть перевод — «ступик». Население — около 1000 человек. В перспективе — курортное местечко.

СУККО (Сухо, Сшкко, Сукхс) — 1. Река протяженностью 14 км, протекающая по одноименной долине между Семисамским и Навагирским хребтами. Ее истоки у Крестового перевала. 2. До середины XIX в. здесь размещалось пять натухаевских аулов, в т.ч. Сукко на 200 дворов. Центр сопротивления горцев. Впервые русский отряд во главе с адмиралом Серебряковым побывал в Сукко в январе 1841 г. и мирно ушел. В

1864 г. все население вынуждено было эмигрировать в Турцию. В переводе с тюркско-адыгского: долина воды, сын воды (когда черкешенка рожала ребенка, она окунала его в реку, чтобы закалить), кабанья река (водоной). С адыгского Хыкьо — хы — «море» и кьо — «свинья», т.е. — «морская свинья или дельфин», а шукьо — «долина добра». По Р. Гвашеву «Шыпкьэ» — «место откровений»: в давние времена на Звин — горе (Большой храм) за Сукко жили местные божества, куда натухайцы ходили на исповедь (откровение). Есть слабая версия трактовки, как «Су» — «вода» и «Сшкко» — «холодная» (экскурсоводы все еще переводят Сукко как «холодная вода»). С татарского «Су-кок» — «Голубая вода». Возможно, понятия «долина воды» и «голубая вода» смешались, откуда и получилось современное название «Голубая долина». В XIX в. земли долины Сукко принадлежали генерал-лейтенанту министру внутренних дел России графу М. Т. Лорис-Меликову. В августе 1920 г. здесь произошел последний бой 22-й дивизии красных с белогвардейским десантом генерала Врангеля. В этом бою участвовали писатель Федор Гладков, будущий драматург Вс. Вишневский, будущий герой Арктики И. Папанин и родной брат Василия Чапаева — Георгий. Летом 1925 г. здесь был оборудован первый в Анапе летний палаточный пионерский лагерь. В 1985 г. открылся Всесоюзный трудовой оздоровительный лагерь «Рабочая смена» для учащихся профтехучилищ (ныне ДООЦ «Смена» на 4000 отдыхающих). Ныне популярнейшее курортное местечко Анапы с населением более 3000 человек. Между прочим, в Дании есть река Суко.

СУЛТАНКА (адыг. — Султан) — горная гряда и сопка в районе ст. Гостагай. Есть Султановский курган высотой 183,7 м северо-восточнее с. Цыбанобалка в 3 км южнее х. Красная Скала. И селение Султановка.

СУМАРОКОВО — бывшее имение — образцовое виноградарское хозяйство в районе х. Уташ. В 20-е годы вошло в состав совхоза.

СУ-ПСЕХ (Шупсыхъу) — 1. Речка протяженностью около 5 км. 2. Поселок у подошвы Семисамского хребта, административный центр юга Анапского района. После взятия русскими войсками турецкой крепости Анапа здесь проходила граница с натухайцами. Основан он в 1870 г. на месте аула Псех (Шупсыхъу, Псы, Псоу) — «добрая вода, чистый источник». «Псы» — вода, «х(хе, хьын)» — «течь вниз». Турки называли аул — «Су» — «вода». Отсюда и современное название п. Су-Псех (вода-вода). Из щелей Су-Псехской балки сбегали серебряные ручьи и шли к морю через Анапу по ул. Серебряной (им. И. Голубца). Отсюда еще в древнюю Горгинпию шел водопровод. Ныне в поселке есть ул. Серебряная, хотя ручьев давно нет. До и после войны на полях Су-Псеха пытались выращивать хлопок. Население — около 5600 человек: русские, армяне, греки и др.

СУХИНИН — бывший хутор у ст. Гостагай. Основан в начале XX в., сселен в 1945—1950 гг. Название от фамилии хозяина.

СУХАЙ (по Спенсеру) — древний горный перевал в районе Анапы.

СУХАЯ — горная вершина (161,6 м) на западной окраине ст. Раевской. Название говорит само за себя.

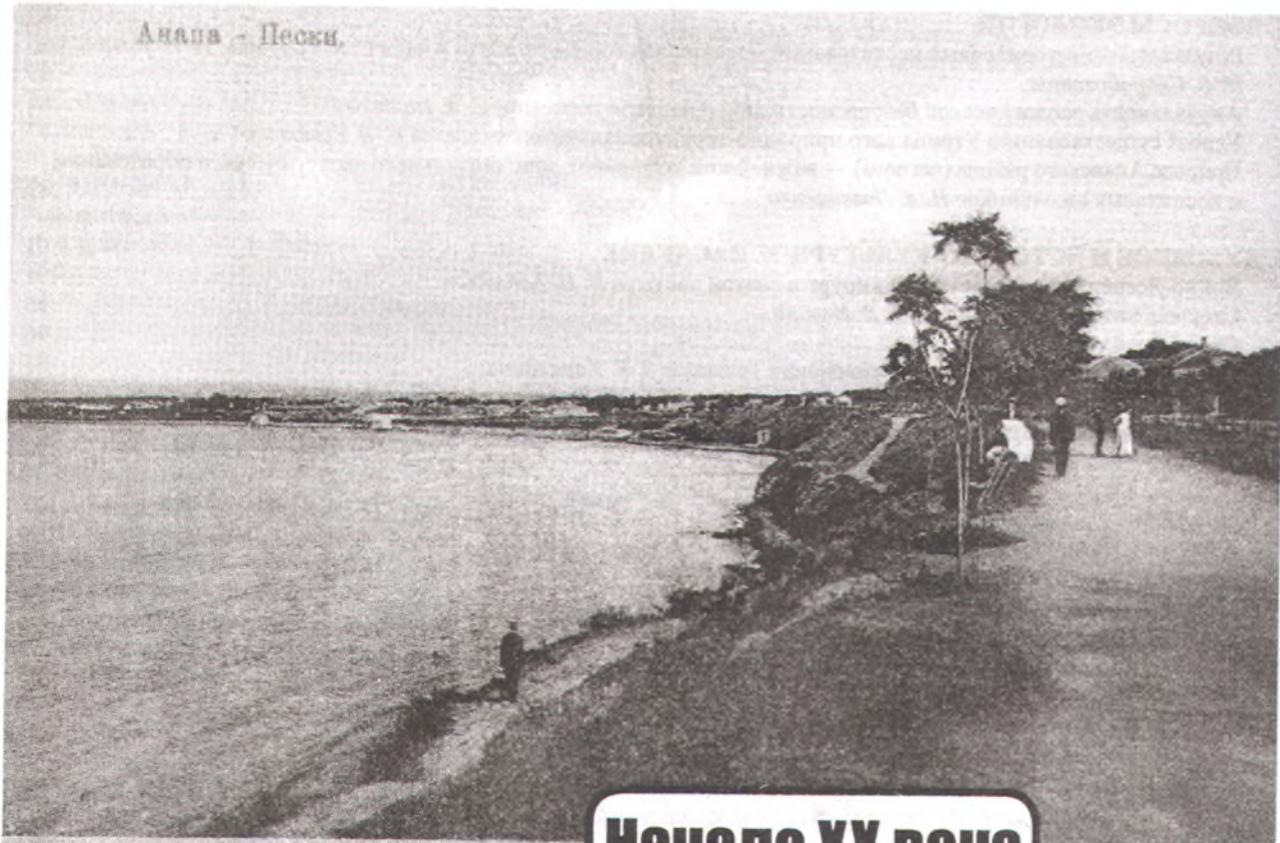
СУХИНИНА — хутор у ст. Гостагай, основанный в начале XX в. Название по фамилии хозяина. Сселен в станицу в 1945 г.

СУХОЙ ЛИМАН — урочище между хребтами Кузня и Навагирский. До революции здесь размещались

образцовые виноградарские хозяйства с правом изготовления и продажи вина. Сселены в период раскулачивания. В годы войны здесь размещались партизанские отряды. Название от того, что в период дождей лагуна заполнялась водой, а потом высыхала.

СУЯКИ — урочище (с тур. «приходи за водой») у старого правого берега устья р. Кубань. В XVIII в. здесь был казачий пост, по приказу Суворова перестроен в укрепление и переименован в Духовой фельдшанец, позже переименован казаками в Титаровский (В. Соловьев).

Анапа - Пески.

Анапа. Пристань.

Начало XX века

5. ДУХОВНОЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	91
Войно-Ясенецкий — блестящий хирург и святой пастырь <i>Л. И. Баклыков</i>	91
Стекло в античной Египции <i>Т. В. Нелина</i>	95
Стены храма <i>А. М. Новичихин</i>	96
Первый староста Анапы Иван Дмитриевич Толмазов <i>З. Е. Харалдина</i>	98
Белая санатория <i>Н. Д. Молла</i>	100
«С своим народом шла на бунт...» <i>З. Н. Лемякина</i>	101
Топонимический словарь <i>В. Валиев</i>	103